

*Воздух гол и невесом.
В эти дни теряешь имя...*
Б. Пастернак

Попрощаться — как простить.
А простить — как развернуться
к зеркальцу ручья и в блюде
лужи прутик опустить,

подцепить осколок льда,
а потом — долой приличья
слишком взрослого обличья! —
на ладошку, вот сюда.

Тает, тает — и вода
в перекрестьях хитрых линий...
В эти дни теряешь имя —
собственное, взяв своими
все природные. Все. Да.

*Жил-был я. Стоит ли об этом?
(...) Жил-был я. Вспомнилось, что — жил...*
С. Кирсанов

Жил-был я. Стоит ли об этом?
Стоит ли — про это: с кем? Когда? И как?
Девочка моя в джинсах из вельвета,
Тонкие ключицы... Как ты далека!...

Жил-был я. Не внимал советам.
Как умел. Как слышал. Думал — как дышал.

Девочка моя, в джинсах из вельвета,
С солнечной улыбкой, ходит не спеша...

Жил-был я. Просыпался где-то,
Забывался с кем-то. Пил судьбу как спирт.
Девочка моя, в джинсах из вельвета,
Обо мне не плачет, не со мною спит...

Жил-был я... Стоит ли об этом?
Состоялся? Сделал? Без соплей и лжи?
Девочка моя, в джинсах из вельвета,
Ты прости, что вспомнил...
Вспомнилось — что ЖИЛ...

Когда б мы жили без затей...
В. Долина

Когда б мы жили без затей,
я нарожала бы детей
от всех, кого любила.
И сколько бы их было?

Была бы дочь. И был бы сын.
Еще одна... Еще один...
Походкой, статью и лицом —
В гипотетических отцов.

Один — красив как херувим,
Да он не знал, что был любим, —
парящий слишком высоко
и не приемлющий «оков»...

Другой? Ах, да — он был с другой.
И этот узелок тугой
Не развязать, не разрубить
любовью. Надо — уходить...

Мой третий... Молнии удар
я приняла за божий дар.
А тысячи тех страшных вольт
и были худшей из неволь...

Целую двух сынов, любя...
Они похожи на тебя!

*...когда плюет на человечество
твое ночное одиночество...*

И. Бродский

Когда плюет на человечество
твое ночное одиночество,
когда душа в потемках мечется,
и ей, душе, зачем-то хочется

вдруг ощутить зимы касание
щеки снежинкой, нежно тающей,
простить ей солнца угасание,
услышать: да, ты — та, ты та еще,

а все хромающие истины
твои, что руганы-оспорены —
как было б устоять без их стены
(они ж — твой дом, опора, корни в нем)?

Ноябрь там что-то чертит прутиком,
своей занявшись скромной графикой...
Ночь простыни опять закрутит в ком...
Зима грядет. Она придет по графику.

*Мело, мело по всей земле,
во все пределы...*

Б. Пастернак

Мело, мело по всей земле, во все пределы...
Под самолетовым крылом снега редели...
Сугроб московский хрустнул тортом киевским.
Снега метут, метут, метут... Какие все
слова — нелепые, неточные, но — нежные:
Других не подобрать в мире заснеженном.
По всей земле, даря судьбы скрещенья,
Метут снега... Возможны возвращенья?

Я — в кризисе. Душа нема...

А. Вознесенский

Не пишется... Опять. Совсем.
Часы, минуя цифру «семь»,
вновь торжествующе вопят:
«Подъем!» Подъем? Но мысли — вспять.

И, что страшнее во сто крат, —
и сердце спит, и чувства спят.
И, безязыкая, мычу
про то, что так сказать хочу,
да не дается слово мне.
Молчу, безвольно онемев...

*«Нет лет...» —
вот что кузнечики стрекочут нам в ответ
на наши страхи постаренья...*

Е. Евтушенко

Нет лет, нет лет! Есть только лето —
с умытым небом и пчелой
на одуванчике. И светом
озарено твое чело,

и нет усталости во взгляде,
и голос тих... И дерева
листвы своей теньями гладят,
клонясь под ветерком едва...

Ты помнишь? Помню... Мы согреты
и этим днем, и тем, тогда...
Нет лет! Нет лет... Есть где-то Лета —
но ни к чему ее вода...

*Ниоткуда с любовью, надцатого
мартобря...*

И. Бродский

«Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря»
я кричу — нет, молчу... Ну, хотя бы — стараюсь,
не мрачней лицом, душу лишь беребя,
лишь терзая подушку, на луну озираясь,

расплескав чашку кофе, заварив вдругоряд,
ненавидя газеты у изголовья —
я стараюсь: надцатого мартобря
расквитаться за все с распроклятой любовью.

Ниоткуда — в привычный бессонниц клубок,
В никуда — в твои сны, в твою жизнь — да без спросу.
Феврالي-мартобри-декабри... Год — глубокий,
словно глупой студентки смешные вопросы.

Ниоткуда — с любовью. С любовью... С любо...
Как мне быть — без тебя? А как быть мне — с тобой?

*Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
беседуем с небом на «ты»...*

В. Хлебников

Свобода приходит нагая,
ребенком, рожденным в любви,
восторженностью пугая,
руками за шею обвив.
Надеясь на промысел божий,
долги — да с процентом! — платя,
я выберу то, что дороже.
Я выберу снова... тебя!

*Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет...*

Б. Пастернак

Завтра март. А снег идет...
Каплей на стекле оконном
что-то пишет, пишет он нам —
разбираешь ли? Но вот

птичий звук: звенит трамвай —
голос сорванный подростка...
Я капельную бороздку
пальцем выведу за край

изморози — и стекла.
Из вагонного оконца
станет виден лучик солнца.
Вот и все. Зима стекла!

Февраль. Достать чернил и плакать...

Б. Пастернак

«Февраль... Достать чернил и плакать...»

А я благословляю слякоть

московских улиц... И река —
слезой омытая щека —
не замерзает. Утки плещут,
толкаясь в интересе вещном —
слежу за их круговоротом...
Метро. «Нет выхода...» И кто там?
Боюсь взглянуть. И — НЕ взглянуть:
вдруг не узнаешь! Долог путь
по эскалатору — из ада.
Мне страшно: вдруг тебе — не надо?
А что случится, не успею я?
...Февраль вчера рыдал капелью...

Я не могу без тебя жить!..
Н. Асеев

У меня болит твоя боль.
Даже если о ней ты молчишь
в беспокойной и вязкой ночи,
даже если я далеко,
даже если обиды укол
оказался коварно живуч,
даже если я на плаву,
и тебе это — словно в укор
почему-то... Нелепый забор
ритуалов, приличий, табу
разломаю, снесу, разгребу —
потому что (и в этом вся соль)
у меня болит твоя боль...

*Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.*
А. Ахматова

Внезапно — как дождь летом,
Как капля из крана в ночи...
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.

Мой внутренний голос — где ты?
не слышу — кричи, не кричи...
Случилось — поверила: этот
Может меня приручить.

Не кнут и не пряник — клетка.
Потерянные ключи.
О, как безнадежно: этот
Может меня приручить!

*Божественной субботы
хлебнули мы глоток.
От празднеств и работы
закрылись на замок...*

Б. Окуджав

Уже готовит старость
свой неизбежный суд.
А много ль мне досталось?
А многие ль поймут,

что сделано — немало,
не сделано — вдвойне.
Преграды и завалы,
доставшиеся мне,

гребу простой лопатой,
рискуя как сапер.
Мне за ошибки плата —
еще один затор.

Еще одно распутье.
Еще одна печаль...
Как ни крути, растут ведь
долги. И отвечать

за «выбор» и «НЕвыбор»,
«сбылось» и «не вполне».
Благодарю их. Ибо
Судьба — дарила мне.

Иль — я делила с вами?
Да разве в этом суть!
Лопатку, словно зная,
я дальше понесу.

